

УДК 37 (2Р-6КАР)

СТОЛКНОВЕНИЕ ИМПЕРИЙ: РОССИЙСКО-БРИТАНСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ИНТЕРВЕНЦИИ СОЮЗНИКОВ НА СЕВЕРЕ РОССИИ, 1918–1919 ГОДЫ

Ник Барон

Университет Ноттингема (Великобритания)

В данной статье рассматривается британская интервенция на севере России, особенно в Карелии и районе Мурманска, в 1918–1919 гг. Основное внимание в статье уделяется взаимному восприятию британскими и белогвардейскими военачальниками друг друга. Основными источниками данной статьи стали опубликованные, а также неопубликованные мемуары, написанные командирами и офицерами британской и белогвардейской армий.

Ключевые слова: британская интервенция, российско-британские взаимоотношения, гражданская война, белогвардейцы, Белая армия, империализм.

Nick Baron. A CLASH OF TWO EMPIRES: RUSSO-BRITISH RELATIONS DURING THE ALLIED INTERVENTION IN NORTH RUSSIA, 1918–1919

This article examines the British intervention in North Russia, especially in the regions of Karelia and Murmansk, in 1918–1919, with a particular focus on the mutual perceptions and inter-relations of the British and White Russian military commanders. The article is based principally on the published and unpublished memoirs of these commanders and other officers of the British and White Russian armies.

Key words: British intervention, Russo-British relations, civil war, White Guards, White Army, imperialism.

Вступление

Объектом рассмотрения данной статьи является британская интервенция на севере России, особенно в регионах Карелии и Мурманска, в 1918–1919 гг. Основное внимание в статье уделяется взаимному восприятию британскими и белогвардейскими военачальниками друг друга. В частности, я исхожу из предположения, что оно сформировалось не только под влиянием конкретных исторических и географических обстоятельств, но и под влиянием прочных культурных предубеждений и стереотипов, вытекающих из обоюдного опыта длительного колони-

ального господства и, как следствие, обретения чувства собственного природного превосходства – так называемого «имперского инстинкта». Как будет показано в статье, лидеры британских и русских сил все же нашли почву для взаимопонимания, когда возникла третья сила, политические требования и действия которой ставили под сомнение, расшатывали или подрывали их позиции, основанные на империалистском самосознании.

Основными источниками данной статьи стали опубликованные, а также неопубликованные мемуары, написанные командирами и офицерами британской и белогвардейской армий.

Как исторические свидетельства эти материалы, разумеется, субъективны, избирательны и зачастую служат самооправданием, что ставит под сомнение их достоверность, однако как средство для понимания культурных предпосылок и побуждений, лежащих в основе взаимного восприятия и формирующих его, они вполне уместны и эффективны. Кроме того, в исследовании используются некоторые личные документы, а также военные и дипломатические источники.

Исторический контекст моего исследования хорошо известен и нуждается лишь в небольшом пояснении. В начале 1918 г. британцы высадили в Мурманске небольшой контингент, состоящий из 130 морских пехотинцев, первоначально по приглашению Мурманского совета для того, чтобы оказать помощь в предотвращении угрожающего наступления немцев к свободному ото льда арктическому побережью. После того как большевики в марте 1918 г. заключили мир с немцами, союзники высадили дополнительные экспедиционные силы с двумя следующими целями: во-первых, чтобы защитить запасы военного снаряжения, которые были к этому времени накоплены на севере России, и, во-вторых, для того чтобы восстановить восточный фронт против немцев, оказав поддержку белогвардейским силам в регионе – довольно разношерстной компании, состоящей из антибольшевистских политиков, царских офицеров, искателей приключений и выгоды. После подписания перемирия с Германией в ноябре 1918 г. британцы на севере России оказались в затруднительном положении. Посланные сюда офицеры не испытывали никакого энтузиазма по отношению к новой предполагаемой миссии, целью которой было возглавить контрреволюционное движение, а рядовые солдаты открыто высказывали свое недовольство, вплоть до неподчинения [Тарасов, 1958; Kennan, 1958; Ullman, 1961–1972; Swettenham, 1967; Jackson, 1972; Dobson, Miller, 1986; Kettle, 1988, 1992; Голдин, 1993, 1999; Kinvig, 2006].

Следует отметить особый характер как русского, так и британского офицерских корпусов на Мурманском направлении [Maynard, 1928; Ironside, 1953; Белый север, 1993; Зброшенныя в небытие, 1997; Hughes, 1997]. Здесь среди русских не было личности, имевшей такой же авторитет и влияние, как, например, Колчак в Сибири или Деникин и Врангель на юге, и в среде британских офицеров не было таких страстных русофилов, как Альфред Нокс, который находился в армии Колчака и агитировал британское правительство открыто поддержать контрреволюцию, пропагандируя свое видение большеви-

стской угрозы как еврейского заговора, финансируемого из немецких источников, целью которого был не только захват России, но и мировое господство [Knox, 1921; Kettle, 1992. P. 490]. (В 1930-е гг. Нокс стал горячим поклонником Гитлера [The Times, 3 December 1937. P. 18; Haxey, 1939. P. 194–237; Griffiths, 1983. P. 182–186].)

Мало кто из британских офицеров в Мурманске в 1918 г. разделял идеологический пыл Нокса. Неосведомленность, бесцельность, взаимное недоверие и растерянность царили как среди союзников, так и среди белогвардейцев. Все это подготовило почву для столкновения двух империализмов.

Столкновение империй

Первым командиром союзных сил в северной России с марта 1918 г. был генерал-майор Ф. С. Пуль, профессиональный офицер-артиллерист, почти двадцать пять лет прослуживший в африканских колониях. Будучи талантливым военным, он совершенно не обладал политической тонкостью и тактом и обращался со своими русскими союзниками с добродушной снисходительностью британского имперского офицера, разговаривающего с дружелюбными туземцами.

Генерал Чарльз Мейнард, посланный в Мурманск в июле для того, чтобы перенять командование у Пуля, позже вспоминал в своих мемуарах об отношении Пуля к двум военным лидерам областного совета – генерал-майору Николаю Ивановичу Звегинцеву, бывшему офицеру Царскосельского гвардейского гусарского полка, и капитан-лейтенанту Георгию Михайловичу Веселаго, военно-морскому офицеру, которых он называл «Свиггенсом» и «Весселсом», соответственно:

[Пуль] относился к ним, как хозяин относится к паре своих слуг, постоянно давая им понять, что они должны помнить о своей ответственности и делать все для процветания его дома, и при этом не сомневаясь ни секунды в том, что все их действия должны в точности следовать его заранее обдуманному плану [Maynard, 1928. P. 38–39].

Британские офицеры, включая Мейнарда, воспринимали своих русских собратьев по оружию в лучшем случае как энергичных, но своенравных любителей, а в худшем – как самодовольных дилетантов или коварных и полудиких варваров. Себя же, напротив, они оценивали как закаленных, непревзойденных мастеров своего дела под маской добросердечных, но умеренных энтузиастов.

Как и следовало ожидать, русские неприязненно восприняли подобное отношение. Генерал Владимир Владимирович Марушевский,

в прошлом гвардеец российской императорской армии и главнокомандующий белогвардейской армии в Архангельске и Мурманске с ноября 1918 г. по август 1919 г., помнил свое негодование по этому поводу даже десять лет спустя, находясь в изгнании в Париже, где писал свои мемуары. В них он вспоминал, что «сыны гордого Альбиона» не могли себе «представить русских иначе, чем в виде маленького, дикого племени индусов или малайцев что ли». Далее он писал:

Русское мнение, исходившее от людей даже высокостоящих в императорской России, встречалось англичанами с добродушным снисхождением, похлопыванием по плечу и с той типичной английской веселостью, которая заставляет людей совершенно не различать, имеют ли они дело с очень умным и хитрым человеком или с совершенным простаком. Результат этого русско-английского обмена мнений был всегда один и тот же. Англичане всегда все делали по-своему и всегда неудачно [Голдин, 1993. С. 188–189].

Впрочем, это была не совсем обычная история, когда русские выражали недовольство тем, что сейчас окрестили бы «русофобией», но что в действительности являлось выражением чувства природного превосходства британского высшего класса перед всеми другими нациями, приобретенного за годы колониального господства. Иными словами, британские офицеры не выказывали каких-то особенных предубеждений в отношении русских; как полагал Марушевский, они считали все остальные нации вторым сортом [Soutar, 1940; Ironside, 1953; Ullman, 1961. P. 256; Dobson, Miller, 1986. P. 137–39]. Например, генерал Эдмунд Айронсайд, который позже в 1918 г. принял командование над всеми войсками союзников на севере России, на протяжении всей своей долгой и выдающейся карьеры не предпринимал никаких усилий, чтобы скрыть свое глубокое отвращение ко всем национальностям, кроме британцев. Примечательно, что Айронсайд стал прообразом Ричарда Хеннея, героя патриотического приключенческого романа Джона Бакана «Тридцать девять ступеней» (1915 г.). Позже, в 1930-е гг., Айронсайд, который в самом начале Второй мировой войны на короткий период был назначен главнокомандующим Вооруженными силами метрополии, по слухам, также симпатизировал британским фашистам [University of Sheffield Library, Special Collections, British Union Collection, 7/Wise (i) and (ii)]. Айронсайд также был выдающимся членом «англо-немецкого братства» [The Times, 3 December 1937. P. 18; Haxey, 1939. P. 194–237; Griffiths, 1983. P. 182–186].

Дальнейшее повествование я посвящаю одному из британских офицеров, нетрадиционные взгляды которого вызывали враждебность в равной степени как среди британцев, так и среди русских. Им был полковник Филипп Джеймс Вудс, вспыльчивый и неуживчивый уроженец Ольстера, находившийся в состоянии постоянного противостояния и конфликта со своими сослуживцами, сумевший сперва как солдат, а затем как политик построить продолжительную, но полную разочарований и в конце концов приведшую его к краху карьеру [источник информации о биографии Вудса здесь и далее: Vagon, 2007].

Как и у множества других британских офицеров на севере России, военная карьера Вудса началась с англо-бурской войны (правда, не в регулярных силах британской армии, а в Южноафриканской полиции, которую возглавлял генерал-майор Роберт Баден-Пауэлл). До 1914 г. Вудс был членом Добровольческих сил Ольстера – организации, созданной для защиты (в случае необходимости и с помощью оружия) союза Ирландии с Великобританией (хотя он, вероятно, вступил в нее не столько из-за политических убеждений, сколько из любви к приключениям, а также из-за того, что его новый тесть был видным активистом ирландского унионизма).

В начале Первой мировой войны Вудс был зачислен в 36-ю (Ольстерскую) дивизию, где заслужил орден «За безупречную службу» за свое участие в битве на Сомме и начал быстрое продвижение по служебной лестнице. Тем не менее в августе 1917 г. Вудс был смещен с поста командующего батальоном в результате кампании, организованной его сослуживцами.

Источником их враждебности был не только сложный характер Вудса, но и его стремление в любом конфликте поддержать более слабую и незащищенную сторону. Эта черта характера проявлялась в его общественной деятельности двумя способами. Во-первых, в его по-хорошему покровительственном отношении к социально угнетенным и обездоленным. Вудс сам родился и вырос в бедном рабочем квартале Белфаста (хотя его родители были из обедневших дворянских семей, занимавшихся сельским хозяйством), и лишь позднее он вновь поднялся вверх по социальной лестнице, добившись успехов в бизнесе (он был квалифицированным текстильным дизайнером), а также удачно женившись. Во-вторых, в сочувствии тем, кто терпел притеснения по признаку религиозной или расовой принадлежности. Даже будучи унионистом, империалистом и патриотом, Вудс был ярким противником религиозной вражды и сочувствовал тяготам ирландцев-католиков, впрочем, разумеется, не настолько, чтобы поддерживать их

борьбу за независимость. Коллеги Вудса из офицерского корпуса были, в основном, выходцами из известных, тесно связанных между собой аристократических семей Белфаста, представителями его политической элиты и членами Оранжевого ордена – для них Вудс был выскочкой, чуждым их кругу и притом придерживающимся сомнительных политических убеждений.

Весной 1918 г. военное министерство приняло решение отправить Вудса на север России, полагая это наилучшим методом использования его несомненных военных навыков на таком удалении, которое не позволило бы ему стать причиной дальнейших скандалов. Оно недооценило способности Вудса в организации неприятностей.

Когда Вудс оказался в северной России, генерал Мейнард дал ему задание сформировать карельский полк и возглавить его для противостояния возглавляемому немцами вторжению белофиннов в западные районы Карелии. За время быстрой и успешной осенней кампании Вудс проникся глубоким восхищением к тем, кем он командовал. Вскоре он открыл и «истинную причину» карельского национализма (о карельском национализме этого периода см.: [Jääskeläinen, 1965; Churchill, 1970; Дубровская, 1991; Vituhnovkaia, 2001]).

Расположение и симпатии Вудса к карелам, разумеется, не освобождали его от предрассудков и предубеждений его поколения. Вудс видел в карелах моральную чистоту, отраженную в их непринужденном чувстве юмора, гостеприимстве, верности и «естественной» дикости. Объясняя их пристрастие к пыткам своих врагов, Вудс писал в своих мемуарах, что «просвещенные стандарты Европы» неприменимы «к людям, столь сильно отставшим от нас в социальном развитии» [Baron, 2007. P. 176–177]. Карелы напоминали ему ирландцев. Как и ирландские солдаты, писал Вудс, они, «казалось, становились только спокойнее, когда ситуация ухудшалась». Далее он продолжал: «Моментально отзываясь на доброту, они могли становиться совершенно бестолковыми и упрямыми в ответ на принуждения или запугивания». И, подводя итоги: «Ими можно было руководить, но не погонять» [Baron, 2007. P. 245].

Для Вудса карелы были «благородными дикарями». И он пришел в ярость, когда узнал, что один из офицеров его корпуса называет их «неграми» (слово, которое, как впоследствии упоминал в своих мемуарах Вудс, карелы понимали) [Baron, 2007. P. 277]. Он отправил письмо этому офицеру, в котором писал, что карелы – «белые люди» и «если с ними обращаться, как с „белыми людьми“, они и будут вести себя соот-

ветствующим образом» [Письмо от 2 July 1919, в фонде P. J. Woods, Imperial War Museum (IWM) Department of Documents, Box 78/24/1]. В своих мемуарах Вудс так высказывался о своем оппоненте: «Десятилетний опыт его службы в Королевском полку африканских стрелков, откуда он только что прибыл, сослужил плохую службу, когда ему пришлось командовать этими жителями севера» [Baron, 2007. P. 276]. Несмотря на то что отношение двух офицеров к колониальным подданным различается, проявляясь в разном видении расовой и культурной иерархии, несомненно, что они оба, в сущности, являются носителями «имперского инстинкта».

Как же сами карелы оценивали британскую интервенцию? Поначалу они надеялись на то, что британцы смогут обеспечить им защиту как от захватнических амбиций финнов, так и от российского империализма. Зимой 1919 г. небольшая группа образованных карелов провела совещание в штабе полка Вудса в Кеми. Позже они вручили Вудсу петицию, которая по их просьбам должна была быть передана «Его Величеству Королю Великобритании»:

С Россией сжиться мы никогда не сможем, да и не желаем. К Финляндии, которая наглым образом хотела присоединить нашу родину к себе, опустошив наши села и деревни, унеся наши последние деньги-гроши, мы быть солидарны никогда не хотим. <...> Умоляюще просим принять нашу родину Карелию под защиту Британии, которую всякий щиплет, т. е. Карелию» [Документ находится в фонде P. J. Woods, IWM Department of Documents, Box 78/24/1].

Вудс сочувствовал их тяжелому положению и не желал развеивать их мечты об автономии под британским протекторатом. Он даже спроектировал для них полковой флаг – зеленый трилистник на оранжевом фоне (т. е. ирландский национальный символ и цвет унионистов), который те использовали в качестве своей национальной эмблемы. Он давал им советы по организации избирательной системы для голосования за национальное собрание, которое, в свою очередь, должно было представлять их интересы на Парижской мирной конференции и на основе формирования сберегательного банка и кооперативных торговых обществ смогло бы обеспечить им финансовую самодостаточность. Получив краткий отказ из Лондона в ответ на просьбу карелов о британском покровительстве, Вудс был оскорблен не меньше тех, кому это послание было предназначено, считая такое решение упущенной возможностью для Британии не только исполнить свой имперский долг, но и извлечь пользу из богатейших местных ресурсов (об отношении союзников и белогвардей-

цев к вопросу о восточной Карелии в международной дипломатии см.: [Jääskeläinen, 1965. P. 152–168, 205–213]; и о подробностях мировоззрения и деятельности Вудса см.: [Baron, 2007, особенно глава 7]).

Для британских офицеров и дипломатов, как и для белогвардейцев, взгляды и действия Вудса в лучшем случае были всего лишь романтическим заблуждением и политической ошибкой, а в худшем – изменой. И хотя вначале Мейнард восхищался уровнем военного мастерства карелов (как он писал Вудсу, они были «великолепными бандитами»), позже его приводила в ярость их «нелепая» политическая активность, которая подрывала его и без того напряженные отношения с белогвардейцами (Мейнард называет карелов «великолепными бандитами» в письме Вудсу, датированном 11 сентября: [Woods Papers, IWM 78/24/1]. О встрече Мейнарда с русским командиром Ермоловым, после которой он объявил политические стремления карелов «нелепыми» см.: [Entry for 17 March 1919, War Diary, General Staff, (Appendix), The National Archives (TNA): Public Record Office (PRO) War Office (WO) 95/5424; и Maynard's telegram to War Office, 30 March 1919, in TNA: PRO WO 33/966, No. 1461]).

Фрэнсис Линдли, поверенный Министерства иностранных дел Великобритании в Северной России, был направлен в марте 1919 г. с визитом к Вудсу в его штаб-квартиру Карельского полка в Кеми. Он доложил лорду Керзону в правительстве:

Вудс, кажется, приобрел большое влияние на [карелов] и немало сделал для подъема национального духа среди людей, которые до сих пор всегда считали себя неотъемлемой частью России. <...> Пыл полковника Вудса вызвал определенное беспокойство среди русских, но генерал Мейнард уверил меня, что дал Вудсу строгий приказ прекратить свою политическую деятельность и не поощрять сепаратистские тенденции, которые в настоящее время совершенно очевидно ограничиваются небольшим по численности населением уезда [Письмо от Линдли Керзону, 5 марта 1919, TNA: PRO FO 175/7/885, p. 6].

Весной и летом 1919 г., когда отступление союзников было все ближе и карелы начали массово дезертировать из полка Вудса, опасаясь белогвардейских репрессий, Мейнард выступил с публичным оскорбительным заявлением, в котором он называл карелов «посмешищем», не достойным звания солдата [Woods Papers, IWM 78/24/1].

Белогвардейцы же зашли еще дальше. Ермолов, заместитель губернатора северной области, согласно мемуарам Вудса, объявил карелам,

что они «мятежные свиньи и дворняги, чей выводок нужно истребить под корень» [Baron, 2007. P. 271]. Генерал Марушевский гневно заявлял:

Я не могу понять, как вы, мужчины, имеете наглость считать, что союзники оденут вас и дадут денег, что они будут сражаться за вас в нашей стране, пока вы, как трусы, болтаетесь здесь без дела (в дополнении А в июльском July War Diary, General Staff, TNA: PRO WO 95/5424. См.: также мемуары Марушевского, воспроизведено в: [Белый Север, 1993. С. 321]).

«В нашей стране»... Для этих бывших офицеров Российской империи карелы, разумеется, не обладали никаким правом на собственную государственность. Для некоторых из них карельский национализм был всего лишь немецко-большевистским заговором по разобщению и разрушению России или схемой финского правительства по расширению своих границ, а Вудс был просто-напросто введен в заблуждение. Как писал Ермолов генерал-губернатору Е. К. Миллеру в Архангельск (этот доклад был также направлен в штаб-квартиру в Мурманске и в правительство):

[Полковник Вудс] – сильный и энергичный мужчина – в заботе о своих подчиненных слишком увлекся своей ролью. Появился новый карельский флаг (оранжевое полотно с трилистником – несомненно, ирландский); и этот трилистник используют в своей униформе не только карельские офицеры и солдаты, но и британские офицеры, возглавляющие карелов. Впервые на исторической сцене появилась «Карельская нация», и свежеспеченные офицеры, среди которых есть два или три бывших учителя, неуклюже обсуждают вопросы, на которых на протяжении десяти прошедших лет умело играла банда панфинских агитаторов в Карелии. Они заручились поддержкой британского командования, и их работа основывается на значительных продовольственных запасах [TNA: PRO Foreign Office (FO) 175/1/889, p. 1–2].

Относительно Вудса заключение Ермолова гласило: «Не может быть никаких сомнений в его искренности, оттого его ошибки еще более печальны, так как в них он проявляет типичное британское упрямство» [TNA: PRO FO 175/1/889, p. 3].

Другие русские, тем не менее, полагали, что за новообретенным карельским национализмом скрываются козни Британской Империи – метафора «коварного Альбиона». В самом деле, Марушевский в своих мемуарах в Париже утверждал, что само понятие «карельской национальности» было британским «изобретением» [Белый Север, 1993. С. 188–189]. Владимир Игнатъев, левый антибольшевик и министр внутренних дел в архангельском правительстве

до августа 1919 г., писал свои мемуары в советской тюрьме. В таких обстоятельствах неудивительно, что его тон был еще более обличающим:

В Карелии англичане устроили авантюру – английский полковник, командовавший там военными силами, организовал тайный съезд корел [ориг.] и, играя на их национальном чувстве, провел резолюцию о независимости, в которой этот съезд передавал вопрос, от имени карельского народа, на разрешение Лиги Наций. Нечего указывать на то, что здесь англичане выкраивали себе первый колониальный плацдарм на нашем севере. Мы протестовали и авантюру эту сорвали [Белый Север, 1993. С. 155].

Очевидно, что российско-британский союз на севере России был построен на взаимной неосведомленности, недоверии и несовпадающих целях – даже несмотря на то, что до подписания перемирия 11 ноября 1918 г. существовало некоторое совпадение в стратегических интересах: защита региона от немцев, а затем и общая враждебность по отношению к большевикам, а также сочувствие политическим настроениям среди местного населения.

Такой союз был, несомненно, хрупок, и неудивительно, что в течение 1919 г. он распался. В октябре союзники вывели все свои силы с севера России. Многие как среди русских, так и среди британцев (включая Уинстона Черчилля) восприняли отступление союзников как предательство по отношению к русским. Вудс же, конечно, считал это вероломным предательством по отношению к карелам.

В сущности, британцы с самого начала своей интервенции на север России не преследовали какой-либо четкой цели и от начала и до конца оставались глубоко и сознательно равнодушными к культурным, этнографическим и историческим сложностям территорий, которые они оккупировали. «Я представлял себе блистательное вступление в российскую столицу, – писал позже один майор о своем восточном приключении, – где прекрасные принцессы будут спасены от революции» [Poole, 1957. P. 42]. Хотя британцы определенно не преследовали никаких территориальных или экономических интересов в данном регионе (за исключением защиты уже сделанных в него инвестиций), их взгляды и действия были сформированы «имперским инстинктом», уходящим корнями в опыт их колониального завоевания и правления. Для них русские были наполовину азиатами: русские офицеры изображались как властители и паши – коварные, лживые и жестокие, лишь временами привлекательные в своей экзотичности и наивности; русские и карельские крестьяне – как дикари, чья культурная, расовая и социальная эволю-

ция была максимум на одну ступень выше, чем у африканских племен. Поэтому неудивительно, что белогвардейские офицеры, которые сами привыкли к роли колониальных властителей, хотя и отчаянно нуждались в помощи союзников, были глубоко возмущены имперским отношением к ним самим и испытывали глубокие подозрения в отношении истинных мотивов британцев.

Несговорчивый уроженец Ольстера, отстаивая права небольшого народа, не имевшего собственной отдельной истории, своей деятельностью вызвал на свет предрассудки, высокомерие, ожесточенность и лицемерие со стороны как британцев, так и русских, которые в этих злополучных исторических событиях в равной степени были носителями империалистических идеологий. Опыт Вудса на севере России не подорвал его собственной веры в миссию Британской Империи. Однако он укрепил его уверенность в том, что имперская система Британии коррумпирована и цинична и обречена на гибель, если только с исторической сцены не уйдут все представители продажных и своекорыстных элит. Как упоминалось ранее, эта точка зрения легла в основу его агрессивной, но не приведшей ни к каким конкретным результатам политической карьеры в Северной Ирландии в 1920-е гг. В 1930-е гг. Вудс какое-то время был связан с Уильямом Джойсом (позже ставшим известным как «Лорд Хау-Хау»), хотя нет никаких доказательств того, что он сам был втянут в британское фашистское движение, как поступили многие из разочаровавшихся, негибнемых офицеров Британской Империи.

Безусловно, в этой статье опущены некоторые тонкости и нюансы российско-британских взаимоотношений во время Гражданской войны и интервенции. В частности, здесь не упомянуты британские и русские офицеры, которые искренне уважали и понимали культуру друг друга (хотя по общему признанию, число их было невелико), так же как и особенную значимость в этих событиях рабочего класса. Чувство общей сплоченности рабочего класса, солидарности в трудностях, а иногда и общие политические убеждения формировали отношения между простыми солдатами британских и других союзных сил и русскими призывниками как в Красной, так и в белогвардейской армии. Также были они важны для формирования предрассудков и пропаганды с обеих сторон [Lockley, 2003]. В частности, на Архангельском фронте было отмечено массовое братание среди солдат всех армий, которые недоумевали и были возмущены тем, что оказались втянутыми в чью-то чужую войну.

Выводы, которые необходимо сделать из этой истории, очевидны. Во-первых, следует отметить безрассудство иностранной интервенции, слабо продуманной и осложненной отсутствием энтузиазма и разобщенностью войск, презрительным отношением к своим союзникам, которое иногда достигало такой же степени, как и враждебность по отношению к реальному противнику. Во-вторых, необходимо указать на взаимно неблагоприятные последствия того, что можно назвать «культурной непримиримостью» в российско-британских отношениях, игнорированием общности наших ценностей и интересов и упорным подчеркиванием незначительных различий. Все это, к сожалению, продолжает существовать в некоторых областях наших взаимоотношений и по сей день.

Перевод с английского языка Н. В. Кузьминой.

Литература

- Белый север.* 1918–1920 гг. Мемуары и документы. Выпуски 1, 2 / Под ред. В. И. Голдина. Архангельск: Аргус, 1993.
- Голдин В. И.* Интервенция и антибольшевистское движение на русском севере, 1918–1920. М.: МГУ, 1993.
- Голдин В. И.* Гражданская война в России и на русском севере: проблемы истории и историографии. Архангельск: Солты, 1999.
- Дубровская Е. Ю.* Противоборство панфинизма и русского самодержавия в Карелии // Вопросы истории Европейского Севера / Под ред. М. И. Шумилова. Петрозаводск: ПГУ, 1991.
- Заброшенные в небытие: интервенция на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников / Под ред. В. И. Голдина.* Архангельск: Правда Севера, 1997.
- Тарасов В. В.* Борьба с интервентами на севере России» (1918–1920 гг.). М.: Гос. изд-во полит. лит., 1958.
- Baron N.* The King of Karelia. Col P. J. Woods and the British Intervention in North Russia, 1918–1919. A History and Memoir. London: Francis Boutle Press, 2007.
- Churchill S.* Itä-Karjalan kohtalo, 1917–1922: Itä-Karjalan itsehallintokysymys Suomen ja Neuvosto-Venäjän välisissä suhteissa, 1917–1922. Porvoo: Werner Söderström, 1970.
- Dobson Ch., Miller J.* The Day We Almost Bombed Moscow. London: Hodder and Stoughton, 1986.
- Griffiths R.* Fellow Travellers of the Right. British Enthusiasts for Nazi Germany, 1933–39. Oxford: OUP, 1983.
- Haxey S.* Tory M.P. London: Victor Gollancz, 1939.
- Hughes M.* Inside the Enigma: British Officials in Russia, 1900–39. London: Hambledon, 1997.
- Ironside E.* Archangel, 1918–1919. London: Constable, 1953.
- Jackson R.* At War with the Bolsheviks. The Allied Intervention into Russia, 1917–20. London: Tom Stacey, 1972.
- Jääskeläinen M.* Die ostkarelische Frage. Die Entstehung eines nationalen Expansionsprogramms und die Versuche zu seiner Verwirklichung in der Aussenpolitik Finnlands in den Jahren 1918–1920. Helsinki: Finnish Historical Society, 1965.
- Kennan G. F.* Soviet-American Relations, 1917–1920, Vol. II, The Decision to Intervene. London: Faber & Faber, 1958.
- Kettle M.* Russia and the Allies 1917–1920, Vol. II, The Road to Intervention, March–November 1918. London: Routledge, 1988.
- Kettle M.* Russia and the Allies 1917–1920, Vol. III, Churchill and the Archangel Fiasco, November 1918 – July 1919. London: Routledge, 1992.
- Kinvig C.* Churchill's Crusade: The British Invasion of Russia 1918–1920. London: Hambledon Continuum, 2006.
- Knox A.* With the Russian Army, 1914–1917, being chiefly extracts from the diary of a military attaché. London: Hutchinson & Co, 1921.
- Lockley A.* Propaganda and the first cold war in North Russia, 1918–1919 // History Today. Vol. 53, September 2003. P. 46–53.
- Maynard C. M.* The Murmansk Venture. London: Hodder and Stoughton, 1928.
- Poole J.* Undiscovered Ends. London: Cassell, 1957.
- Soutar A.* With Ironside in North Russia. London: Hutchinson, 1940.
- Swettenham J.* Allied Intervention in Russia, 1918–1919, and the part played by Canada. London: George Allen & Unwin, 1967.
- Ullman R. H.* Anglo-Soviet relations, 1917–1921, 3 vols. Princeton: Princeton University Press, 1961–72.
- Vituhnovkaia M.* Cultural and Political Reaction in Russian Karelia in 1906–1907. State Power, the Orthodox Church, and the 'Black Hundreds' against Karelian Nationalism // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2001. Vol. 48.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Ник Барон

доцент Университета Ноттингема
NG7 2RD, Великобритания, Ноттингем, Юниверсити-Парк,
каб. А6 Lenton Grove
эл. почта: Nick.Baron@nottingham.ac.uk
тел.: (0115 95) 15957

Nick Baron

Associate Professor
University of Nottingham
Room A6 Lenton Grove, University Park, Nottingham, United
Kingdom, NG7 2RD
e-mail: Nick.Baron@nottingham.ac.uk
tel.: (0115 95) 15957